

В ЗЕМЛЕ

1

Она сидела в кресле напротив меня. Невероятно красивая, шикарная, в деловом красном платье, черных очках, положив ногу на ногу и курила тоненькую дамскую сигарету.

- Трахни меня.

Я ничего не ответил. Она сдержанно засмеялась и изящно стряхнула пепел в пепельницу Zepher.

- Ну трахни, - не унималась она.

- Он скоро придет? – спросил я.

- Не знаю, - ответила она. – А почему не хочешь меня?

- Меня не интересуют женщины.

- Ты гей?

- Нет.

- А что тогда?

- У меня девушка есть.

- Ну и что?

- Ничего.

Я поднялся и вышел на лоджию. Закурил и стал наблюдать за движущимися и копошащимися фигурками людей внизу. С высоты 9 этажа они видятся особенно нелепыми и примитивными. Я почувствовал ее приближение и резко повернулся. Она держала два бокала виски.

- Выпьешь?

- Я не пью.

- На работе?

- Вообще.

Она поставила бокалы на подоконник. И потянулась рукой к моему лицу. Я рефлекторно схватил ее за запястье. Наверное, слишком сильно.

- Отпусти. – серьезно сказала она. – Мне больно.

Я разжал кисть.

- Прости. Я поняла...

Мы вернулись в зал. И в это время в дверь раздался звонок.

2

Куратор вошел в квартиру. Мы поздоровались. Он протянул мне пакет в котором была черная коробка, величиной с обувную.

- Посмотрите - сказал он.

Все это время женщина стояла рядом и молча наблюдала за происходящим.

Я открыл коробку. В ней лежал сверток.

- Разверните – продолжил куратор.

Я развернул. Грач. Мертвый. Повреждены внутренние органы. Пробита легкая. Сильно ударился о стену. Умирал несколько часов. Мучительно. Секунду другую посмотрел на него, и положил обратно в коробку.

- С птицами приходилось иметь дело?

- Пару раз – кивнул я. – А зачем нужна была она – я взглядом указал на женщину. Она ни слова.

- Проверка... - объяснил он.
 - Вы каждый раз проверяете. Теперь и так...
 - Проверка требуется каждый раз. И всегда она должна быть разной. – подчеркнул он.
- Он протянул мне конверт.
- Пересчитывать будете?
 - Нет, я вам доверяю. Детали?
 - Эта птица – с расстановкой начал он – не была никому дорога. Но, перед смертью, уже едва живую, ее нашел во дворе сын директора. И поэтому ее необходимо похоронить.
 - Ясно – ответил я. Мы попрощались и я ушел. Куратор с женщиной остались в квартире.

3

Я разбил бутылку и осколком выкопал ямку в сыром черноземе. Построек в этом году здесь не планируется. И поэтому, как минимум до следующего года птицу не побеспокоят. Потом аккуратно развернул тельце и уложил в могилку. Накрыл серым полотном, в которое она была завернута. Закопал. Потом посмотрел в небо. Положил ладонь на захоронение и глубоко вдохнул...

В голове грянул гром, сверкнула молния... Я схватился за вески. Грудь пробила сильная тупая боль. Горло сковало удушье. Я повалился на бок. Меня всего скрючило. Ноги и руки ломала судорога. Я не мог дотянуться до ингалятора, который лежит у меня во внутреннем кармане пиджака. Прележав в таком положении минут 20, сопротивлялся. Потом мне кое как, трясущейся рукой, удалось вытащить ингалятор и пару раз хорошенько вдохнуть. Удушье начало отпускать. Я начал приходить в себя. Отдышался. Поднялся. Тут-же сблевал едкой красно-желтой жижой. Снова отдышался. Вытерся платком. Весь мокрый и в земле.

- Все. – сказал я, глядя на маленький холмик – Теперь все. Теперь все хорошо. Боли больше не будет.

Я отряхнулся. Вышел на проезжую часть. Зазвонил телефон. Моя девушка.

- Где ты был!?

- Работал.

- Опять!? Ты не можешь больше этим заниматься! Это убивает тебя! Ты же знаешь...еще немного и...

Она заплакала.

- Знаю. Но это единственное, что я могу делать по-настоящему.

- Ладно - сказала она уже спокойно – когда ты будешь дома?

- Минут через десять.

- Я люблю тебя.

- Я тебя тоже.

- Жду.

Я отключил телефон. Махнул рукой. Остановил такси.

- Куда – спросил водитель.

- Домой – сказал я - Коммунистическая 41. Второй подъезд от «Гвоздики».

Мы тронулись. Сердце немного покалывало. Но на душе было спокойно.

Маршрут смерти

1

Сегодня были тяжелые похороны.

Спускали гроб с покойником с девятого этажа. Родственники настояли, чтобы мы спустили его именно на руках, а не на грузовом лифте. Пришлось согласиться. Желание клиента – закон. Потом мы аккуратно погрузили тело в Газель. Отвезли на новое кладбище. Дали родным проститься с усопшим. Заколотили крышку, опустили ящик в яму и закопали. Экскаватор сломался, поэтому пришлось поработать самим. Получили деньги. Сели в машину и уехали. Все.

А сейчас я сижу в магазине. В небольшой комнатухе, посреди памятников и гробов. Кресты стоят, облокотившись о стену. Лица незнакомых мертвых людей пялятся на меня с гранитных плит. Иногда мне становится стыдно перед ними. Стыдно, потому что они умерли, а я живу. Но это чувство быстро проходит и сменяется каким-то странным, глухонемым весельем безысходности. Кстати, гранит очень красивый. Такой черный-пречерный. И отполированный. Он мне нравится. Себе бы на могилу я хотел гранитную глыбу с искусно выполненным изображением моего лица. Дорогая работа. И никаких крестов, полумесяцев и прочей религиозной лабуды. Интересно – как и где хоронят атеистов? В стороне от всех?

В дверь вошла женщина.

- Здравствуйте.

- Здравствуйте, - ответил я.

- Здесь памятник заказать можно?

- Да.

- А ограду?

- И ограду тоже.

Я встаю из-за стола. Подхожу к ней. Показываю гранитные и мраморные плиты, стоящие в ряд у стены.

- Он молодой был очень, - говорит она, - надо что-то покрасивее...

И я понимаю, что ей нужен памятник для сына. Он умер при трагических обстоятельствах. Возможно, погиб в автокатастрофе. Или маловероятно, но тоже не исключено, от передозировки.

Я показываю ей самые дорогие, большие и в форме листа памятники. Цена 27 тысяч.

- Мы можем сделать и по индивидуальному эскизу, - говорю ей я, - если вы этого хотите.

- Нет, знаете, – отвечает она, - я же не знаю, как это будет на деле выглядеть. Я еще посмотрю. И давайте я оставлю свой номер, а если появится что-то новое, вы мне позвоните?

- Хорошо, - отвечаю я.

Я записываю ее номер на клочке бумаги и она уходит. Кусок чьей-то жизни пролетает перед глазами. Закончившейся и еще продолжающейся.

Дело к вечеру. Еще пару часов и домой. А мне надо кое с кем увидеться. Это существо очень важно для меня. Возможно, оно для меня даже важнее, чем я для него. В первый же день своей работы здесь я заприметил в окно собачулю. Маленькая и несуразная балоночка. Я не сразу понял щенок это или взрослая особь. Передняя половина ее облезлая, а вторая в густой, кудрявой, скатавшейся шерсти. На следующий день я ее не видел. А после уезжал на захоронение. И вот сегодня я ждал ее снова. У меня была припасена большая котлета. Но это не самое полезное, что я собирался для нее сделать. Наконец она появилась. Я взял сверток и спустился вниз. Приблизился к ней. Она посмотрела на меня своими добрыми бусинками и не стала подходить. Боязливая. Я развернул котлету и бросил ей. Она не особенно заинтересовалась ею. Тут я вспомнил, что забыл телефон. Побежал назад. А когда вернулся, собачуля уже закапывала пищу у дверей здания, в котором находится мое похоронное бюро. Я сделал несколько снимков. Простился с ней и ушел. Мне надо было продолжать работать – сидеть в ожидании клиентов, которые и за весь день могут не появиться ни разу.

Оставалось два часа до конца рабочего дня. Салон закрывается в 7, а открывается в 9. Я по отжимался. По - приседал. Выполнил подобие становой тяги при помощи небольшой плиты. На ней был изображен молодой парень. Гаврилов Юрий Николаевич. В военной кажется форме. Кадет, наверное. Годы жизни 1989-2008. Я поставил Гаврилова на место. Его на днях должны забрать. Буквы и цифры не совсем четкие. Я взял гравировальную машинку и стал обводить. И сам не заметил, как пролетело время.

- Ты что домой не собираешься? – заглянув в комнату, спросила Саша, продавщица из соседнего салона.

- Ах, да, - улыбнулся я, - заработался.

Я закрыл салон, отдал ей ключ и ушел.

Ветер дул мне в лицо и бросал в глаза пыль. Я шел немного уставший. Хотелось побыстрее прийти домой и написать пост в контакте, в соответствующем сообществе для помощи бездомным животным. Я сел в маршрутку номер 8. Два бывших зека пред - пенсионного возраста напряженно обсуждали, кто у нас в городе вор в законе. Спорили с пеной у рта. Чуть ли не подраться готовы были. Старые долбоебы. Девушка с ребенком села рядом со мной. Ребенок потянул слюнявый палец ко мне.

- Нельзя, - помешала ему девушка, - дядя чужой.

Я смотрел на рекламные вывески, людей и дома проплывающие за окном. Река «Стерля». Мерзкая маленькая речушка. Как-то в ней нашли отрезанную голову женщины. А не так давно, буквально год назад молодой парень по каким-то причинам сиганул с трубы головой вниз. Наверное, как это часто бывает из-за бабы. В сети даже есть видео. «Прыжок в стерлю» по-моему

называется. Писали, вроде бы, жив остался. Только переломался весь. Так же, многие любят поношаться здесь в летнее время. Я тоже не исключение. Лет пять назад я несколько раз оттрахал на берегу одну изумительную шалашовку. С тех пор стараюсь обходить это место. Не то чтобы я очень сентиментальный, просто неприятно. После блядей не остается ничего хорошего. Только выжженная земля и пустота.

У подъезда знакомый голос окликнул меня. Я обернулся. Тощий мужчина сидел на соседней от моего подъезда скамейке. По пояс голый. Тело его было усеяно тюремными наколками, что говорило о богатом уголовном прошлом. Рядом стояли два костыля. Это был Пашка. Мой сосед. Я подошел. Мы поздоровались. Я присел рядом.

- Как ты? – спросил я.

- Спасибо, бывало и лучше, - улыбнулся он.

У Паши довольно редкое заболевание – остеомиелит. Уже много лет его ноги разрушаются. И помочь ему ничем нельзя. Адская боль не на минуту не покидает его. Можно сказать, он гниет заживо. Живет он на одной площадке со мной. И по ночам я слышу, как он воет от боли.

Он спросил как у меня дела на работе.

- Умирают, - ответил я, - а мы хороним.

И еще рассказал про щенка. Про то, что ему нужна помощь. Его необходимо спасти.

- Хорошее дело. Спасти... - ответил он.

Потом, мы попрощались, и я пошел домой.

4

Дома я первым делом поставил чайник. Включил комп и вошел в контакт. Сообщений нет. 224 друга. Таня Борода. Юра Вагапов. Андрей Карамыслов....и прочие прочие. Кто все эти люди? Зачем они мне? Два человека мои одноклассники. Остальных в жизни вообще никогда не видел. Ни с кем не общаемся. Если только не напьюсь, и мне не захочется выложить какойнибудь смазливой телке свои эротические фантазии на тему «как бы я ее хотел». Но я не любитель выпить. И поэтому такие залеты случаются не часто.

Чайник закипел. Я заварил черный крупно - листовый и вернулся к письменному столу. Не сразу нашел шнур от телефона, чтобы скачать фотографии. Но потом все получилось, и я написал жалобный и искренний пост в группе «Четыре лапы». Люди откликнулись практически сразу же. А потом одна из участниц в личном сообщении написала, чтобы я удалил адрес, по которому обитает собачуля. Так как, есть ублюдки, которые могут приехать и убить ее. Меня это сильно удивило. Даже поразило. Неужели кому-то это нужно? Я немедленно удалил координаты. Мы обменялись телефонами с девочками из группы, которые должны были приехать за собачкой. И теперь оставалось только ждать.

Я сходил на кухню за чашкой чая. Принес. Отхлебнул. Крепкий и сладкий, практически чифирь. Как я и люблю. Затем я набрал в поисковом окне «домашнее порно». Выбрал самое лучшее. Расстегнул ширинку. Юная рыжая девушка встала раком, обнажив свой роскошный зад. Здоровый взрослый мужик подошел к ней и, не церемонясь, загнал свой поршень до конца. Заработал

сперва медленно. Но постепенно набирал темп. Стоны ее нарастали. Она время от времени поворачивала голову и пыталась посмотреть на него своими безумными, сверкающими темно карими глазами.

- Папочка, ударь меня и возьми за волосы, - умоляла она. Взрослый мужик выполнял ее просьбу и драл еще сильнее. Она все стонала и упиралась головой в кровать, выгибаясь как можно сильнее. Затем взвизгнула и кончила. Мужик вынул отросток. Из ее рыжей маленькой вытекли капельки спермы. Я кончил вместе с ними. В какой-то момент мы были одним целым. Юная рыжая девочка, ее папик и я. И это было чудовищно и невыносимо, словно вся моя жизнь, помешенная в крошечную капсулу изврата. Я вытер сперму полотенцем. Вышел из контакта. Выключил компьютер. Рухнул на кровать и уснул прямо в одежде. Мне ничего не приснилось в эту ночь.

5

Шел третий или четвертый день моей работы. Мы везли гроб с телом и родственников умершего на «новое» кладбище. Оно находится довольно далеко от города. Бирба называет эту дорогу «маршрутом смерти». Он каждый день, уже много лет ездит по нему. Я, кажется, что-то рассказывал ему про то, как недавно накурился спайсом и ничего не соображал. И вдруг нечаянно засмеялся. Он улыбнулся и сделал мне жест пальцем:

- Тихо, - сказал он, - смеяться нельзя. У людей горе, - а сам продолжал весело улыбаться. Еще он сказал, что самое плохое - это уронить гроб с телом. Хотя ему самому- покойнику, конечно уже все равно, но вот родственникам это очень не понравится - пояснил он. Потом я замолчал. И дальше мы ехали уже больше ни о чем не разговаривая. А я все думал: «маршрут смерти»...Это, наверное, вся жизнь?

Когда мы подъехали я почувствовал странную тяжесть. Очень весомую и отталкивающую. Как будто само кладбище не хочет впускать меня.

- Сиди здесь, я сейчас. - Бирба вышел из машины и пошел к будке охранника. Неподалеку стоял экскаватор. Он что-то перетер с мужиком в фуфайке. Взял какие-то бумаги. И вернулся.

- Вот смотри, - сказал он, и мы стали заезжать на территорию захоронений, - это наш лучший друг - он показал на экскаватор. - Сегодня он нам поможет. Но бывает, что обстоятельства складываются так, что он не может помочь. Не работает, например, или еще что. И тогда нам самим приходится закапывать. А это уже не так весело.

- Ты не чувствуешь тяжести, когда заезжаешь сюда? - спросил я.

- Нет, - ответил он, - а ты чувствуешь?

Я промолчал.

6

Мы приехали. Бирба заглушил мотор. Я снял кеды. Запрыгнул в резиновые сапоги. Надел перчатки.

Родственников у этой бабушки было немного. Или им просто было наплевать. В общем, те, кто был - попрощались. Мы заколотили крышку. Пропустили веревки под гроб. Взялись за них. Нас было четверо. Стандартная похоронная бригада. Никто не курит и не пьет. Во всяком случае, на работе. Такие правила.

- Не наматывай на руку, - предупредил меня Бирба.

И понесли. Потом мы опустили ящик в могилу. Все оказалось гораздо легче, чем я предполагал. Да к тому же в этот день экскаватор нам помог. За что ему отдали 100 руб. То есть с каждого по 25 рублей. Так что даже закапывать самим не пришлось. Это были мои самые первые похороны. И они прошли замечательно. По завершению все поехали домой. А я в магазин, продавать памятники и гробы. И никто ничего не купил в тот день. Я только зря потратил время. Но мне нравилось просто сидеть и смотреть в окно. Иногда я играл в GTA. Впрочем, через пару дней мне надоела эта глупая игра. И я принес томик Платонова. И теперь, в свободное время, коего было у меня предостаточно, я был занят более благородным делом.

7

Бирбу зовут Сергеем. Мы учились вместе до 6 класса. Потом его выгнали за плохое поведение. И он перешел в гимназию. Не знаю, кто придумал ему это прозвище – Бирба. Но оно очень подходит ему. Он был самым крупным в классе. Сейчас он весит 150 килограмм. Рука как две мои. Не рука, а лапища. Помню Валентин, которого потом незаслуженно, отмороженные старшеки, в чужом районе сделали вафлером. Просто так(предложили ему ибить или в рот, и он выбрал второе) кричал:

- Бирба! Догони!

И убегал. А Сергей, испуская пар из носа от злобы, гнался за ним, чтобы убить.

Это было глупое время. Школьная пора. Класс неудачников. Все в основном из неблагополучных семей. Не люблю вспоминать. Ее для меня как будто и не существует. Просто серый безликий кусок из раннего возраста. Неприметное начало одной маленькой жизни.

8

Подходил конец рабочего дня. Я сидел на стуле и обводил Гаврилова. Его надо было сделать по - ярче. Я уже практически закончил. Скоро его заберут.

Приехал Бирба. Я сказал ему, что в четверостишии допущена орфографическая ошибка – «не» с глаголом написано слитно. Да к тому же не поставлены запятые, там, где должны быть поставлены. Он пожал плечами и сказал:

- Если хочешь, поставь.

- Не хочу, - ответил я и накинул куртку. Закрыл дверь. Отдал ключ Саше. И мы спустились вниз. У машины я остановился. Огляделся. Никого не было видно. Потом открыл дверь и запрыгнул в салон.

- Кого там выискиваешь? – спросил Сергей.

- Видел здесь маленькую, облезлую собачку?

- Никогда не обращал внимание. А что? – равнодушно спросил он.

- Ничего, - ответил я. Машина тронулась и мы поехали. Мимо домов, людей и собак. Остановок и прозрачных витрин. Мне хотелось кушать и спать. А Бирба что-то рассказывал, про то, как сегодня рыли могилу. И как нашли там останки двух младенцев и одного взрослого человека. В одной могиле. Без гробов. Видимо захороненных, еще во времена великой отечественной. Не до церемоний тогда было. И колотить гробы некому. Просто кидали в яму и закапывали.

9

На следующий день я поехал с похоронной бригадой на захоронение. Эта была старая, вымирающая деревня. В 50 километрах от города. С покосившимися избушками. Там остались только древние старики. Да и те уже, один за другим, покидали этот мир. Вся молодежь давно перебралась в город. Старичок, которого мы выносили, был когда-то олимпийским чемпионом по бегу. Стайером.

- Хорошо, что не тяжелоатлет, - практично заметил работник Леха. Белобрысый мужик лет 35. Я видел его впервые. Параллельно он работает еще где-то. Охранником по-моему. Он не останавливаясь говорил. Про наркоманов, с которыми ему в прошлом году приходилось рыть могилы. Про чувашские обычаи петь обо всем, что видишь на похоронах. Про службу в армии. Про жену. Блядей. И все на свете. Я как всегда ехал молча. Мне было не интересно. А на душе пусто и спокойно. Когда постоянно имеешь дело со смертью, перестаешь волноваться и думать о глупостях. Эта хорошая работа – хоронить людей. От нее многое становится яснее и проще. И поэтому она мне нравилась.

10

Неподалеку от домов, вдоль дороги стояла большая выгоревшая избушка из больших бревен. Она напомнила мне дом из сказки, которую я давно забыл. Наверное, в детстве мама читала мне книжку, про какогонибудь Ивана-дурака и там были похожие иллюстрации...

Нам пришлось только вынести гроб из тесного до ужаса, покосившегося домика. Дальше его понесли родственники усопшего. До самой дороги. А уж на кладбище мы сами. И это оказалось нелегко. Из-за огромных луж грязи машине не съехать с дороги. И нам пришлось тащить на своих плечах деревянный костюм метров двести. И местами лежал еще не растаявший снег. А кое-где ноги проваливались в грязь.

Наконец дело было сделано. Мы обстучали лопаты. Я почистил рабочую обувь. Переобулся. У остальных работников была постоянная форма, включавшая в себя резиновые сапоги. Я был не постоянным, запасным членом бригады. И поэтому с покупкой амуниции решили повременить.

11

Сергей высадил меня у моего дома. Я сходил пообедать. Потом поехал в магазин. Зашел к Саше за ключами.

- Что-то ты сегодня поздно?- улыбнулась она.

- А я на похоронах был, - ответил я.

- Эмм....- кивнула она.

Я просидел часа два. Ничего не происходило. Я зашел с телефона в контакт. Проверил сообщения. Пусто. Потом зашла Саша и позвала на чай. Я, сначала, отказывался. Мне не хотелось никуда идти. И чая тоже не хотелось. Но:

- Идем-идем, - настояла она. И я все-таки поднялся и пошел.

За чаем мы разговорились. Я рассказал кое-что про свою жизнь. Она мне кое-что про свою. Банальности: кто где учился и где работал.

- Вот так мы и живем, - заключила Саша, - за день один - два клиента, а то и их не бывает.

- Слушай, а ты не видела здесь маленькую собаченку? – спросил я.

- Какую именно? Их здесь много...- уточнила она.

- Маленькую такую, несуразную, со скатавшейся шерстью..

- Сегодня приезжали «Четыре лапы», юные девочки, и они поймали всех собак. Мы помогли их ловить.

На моем лице появилась улыбка.

- Это я им сказал, - радостно признался я.

- Жалко животных? – с ноткой материнской доброты в голосе спросила Саша.

Я молча кивнул в ответ.

12

Вечером приехал Бирба. Я рассказал ему всю историю с собачонкой. Поделился радостью, а он сказал:

- И ты в это веришь? Я много лет работаю с людьми, и знаю, какие они на самом деле...

- Ты придурок, - подумал я и ничего не ответил.

13

У подъезда сидел Пашка. Я поздоровался и присел. Рядом с ним стояла на треть полная бутылка водки и полторушка минералки. Он предложил мне выпить. Я отказался.

- Помнишь Еврея? – просил он.

- Ну, да. Алкаш с 39. У него цирроз же по-моему?

- Да. Умер сегодня.
- От цирроза? – равнодушно просил я.
- Нет, голову ломом проломили. Вступился за честь своей алкашки - умер в реанимации. Даже в сознание не пришел.
- Как забавно, - констатировал я, - болел циррозом, а умер от пролома черепа.
- Да уж, забавно, - грустно улыбнулся Пашка и опрокинул стопарик, запив минералкой.
- Ты можешь с похоронами помочь?
- Ну позвоню начальнику. Сейчас прошу...

Я набрал номер Бирбы. Он спросил адрес и номер родственников. Паша продиктовал. Бирба сказал, что я молодец и мне полагается процент за найденного клиента. Я попрощался с Пашкой и пошел домой. День закончился успешно.

14

Девушка из фонда прислала мне фотку собачули. И сказала, что у нее глисты и нарушение обмена веществ из-за паразитов. Я попросил, чтобы ей передали, чтобы она поскорее выздоравливала. И уточнил Она это или Он. Оказалось девочка. И ей около 7 месяцев. Ее постригли и помыли. Проглистогонили. И назвали Сонечкой. Я поблагодарил девушку из фонда. Она сделала великое дело. Все получилось, так, как я и хотел. И мне было хорошо.

15

В очередной рабочий день мы сидели в Газели. Ждали выноса. У них с Алексеем, возник какой-то спор, по поводу цен на могилы. Тогда Бирба включил телефон на громкую связь и позвонил в конкурирующую контору.

- Алле, - ответил неприятный хриплый голос, явно немолодой женщины.
- Здравствуйте. Это похоронное бюро?
- Да. Что хотели? – прошипела она.
- У нас человек умер...
- И что хотели? – желчно повторила тетка.
- Могилу выкопать, - виновато ответил Бирба.

Я и Алексей, кое-как сдержали смех.

- Это будет стоить 7 тысяч рублей, - грубо ответила она.
- Ой, неееет...- разочарованно протянул Бирба, как он это умеет, – мы тогда лучше сами - и положил трубку.

Цена оказалась выше, чем у нас. Да к тому же у них на телефоне, сидела какая-то грубая тупая, старая дура. Его это обрадовало. Это значило что люди, будут тянуться к нам, а не к ним. И клиентов у нас будет больше, а значит, доход будет возрастать – размышлял Бирба. А мне было наплевать. Я закрыл глаза и попытался уснуть.

16

Прошла неделя. И вторая. И месяц. Я продавал. Консультировал. Хоронил и копал. И всегда на похоронах, я видел что-то новое. Вроде бы то же самое, но новое...

А Сонечка тем временем окрепла и расцвела. И превратилась в настоящую красавицу. Окраса она белого, с большим черным пятном на спине. Мордочка и голова, включая большие ушки симметрично обведенные серым цветом. Со снимков на меня смотрела необычайно добрыми, но между тем и еще грустными глазами, превосходная, ухоженная, маленькая собачка. Девушка, которая занималась ею, решила оставить ее себе, что было просто замечательно. И то, что, я ее заметил, и сумел повлиять на ее судьбу, было, пожалуй, самым лучшим, что я сделал за время работы в похоронке. Все остальное не в счет.

17

Стоял жаркий июльский день. Я сидел в пустом магазине. С минуты на минуту за мной должен был заехать Сергей. Очередные похороны, за которые я бы получил добавочно несчастных 500 кровных рублей. На стене тикали старые часы на батарейках. И зачем он повесил в салоне это старье? Разумеется, выкидывать жалко было.

Я достал телефон. Набрал номер.

- Алло, - лениво ответил Бирба.

- Ты где? Мы же должны ехать на похороны...

- Ты не едешь. Оказывается, вчера на твое место уже был человек.

- А какого... ты сразу все не узнал!? – вырвалось у меня.

- Ну, так получилось, - невозмутимо протянул он, - ладно мне пора – и повесил трубку.

Я присел на стул. Мерзкое чувство, как будто, тебе пнули под зад, как шелудивой дворняге. Я вспомнил наш недавний спор по поводу грошей которые он мне платит. Он рядился из-за пятидесяти рублей. Вместо 550 полагающихся мне за проданный памятник ценой в 10 т.р. он хотел отдать 500. В итоге я все-таки вышел победителем в споре.

Я снова набрал номер.

- Знаешь, что Бирба?

- Что? – по-прежнему невозмутимо спросил он.

- Пошел ты на ...й со своей похоронкой!

18

Домой я шел немного грустный. И поразительно свободный. Как будто гора кала упала с моих плеч и освободила невидимые крылья, от ненужного и надоевшего мне дерьма. Так всегда, когда бросаешь очередную надоевшую тебе работу. Но, маршрут смерти не прерывается в данной точке. И я к тому же успел сделать по-настоящему стоящее дело. Поэтому – все нормально. Я взял в киоске банку пива. Прошел пару остановок пешком. Посидел на берегу реки. Там, где по-прежнему летали тени таких неприятных, но уже, едва уловимых воспоминаний. Пару раз плюнул в эту блеклую серую лужу. Бросил гальку...

19

У подъезда сидел Пашка. Я присел.

- Если умру, похоронишь меня брат? – спросил он.

- Конечно, - ответил я, - только я там уже не работаю.

АЛКОГОЛЬНАЯ ЗАРИСОВКА

1

У меня ничего не осталось. Я пил запоем неделю или около того. Мне хотелось либо выпить еще, либо отключиться. Комы хотелось. Неведения. Забытья.

Я вышел в подъезд. И скатился с лестницы вниз головой.

Потом встал. Понял, что ничего не поломал. Не ушибся. И понятно, не отключился. Все напрасно. И я не очнусь завтра в больнице с теплыми простынями и обаятельной медсестричкой рядом. Ну ладно. Придется проснуться на своем грязном матрасе. Как всегда.

Я вернулся домой. Закрыв дверь и уснул.

9:35. Проснулся. Голова ватная. По-моему, еще и обоссался. Прекрасно. Скинул с себя мокрые штаны. Футболку. Она была в крови. Прошел в ванную. Хорошенечко приложился к горлышку крана. Холодная проточная вода. Как хорошо, когда она есть.

Я посмотрел в зеркало. На меня смотрело распухшее, с разбитым носом и тупыми глазами лицо. А вернее, морда. Я залез в ванную и встал под душ. Теплая вода смывала с меня хмельной смрад. Когда я сморкнулся, то увидел, как вместе с водой по мне стекают кусочки спекшейся крови.

Зазвонил телефон. Я выбежал из ванной. Поднял трубку.

– Алло?

– Здравствуйте. Рашит? – женский голос.

– Какой, на хрен, Рашит? Вы не туда попали.

– Ой, извините, – положила трубку.

Прошел в спальню. Вытерся полотенцем. Открыл шкаф для одежды. Достал чистые джинсы, трусы и футболку. Оделся. Прыгнул в шлепки и пошел к соседу сверху.

– Привет, – ответила заспанная опухшая рожа с редкими белокурыми волосами на черепе.

– Привет. С похмелья я. Есть что-нибудь?

– Заходи. Ну у тебя и рожа.

– На свою посмотри.

Я прошел. По всему дому валялись окурки, обрывки картин маслом, кисточки, разорванные вещи, обломки рамок, цветы...

Мой сосед художник. Иногда его картины покупают местные перекупщики. Недорого. 1000–1500 р. Он и этому рад. За большее он их все равно никому не продаст. И работы у него другой нет.

Мы устроились на кухне.

– У меня немного денег осталось, – сказал он, – вчера картину продал. Может, «крокодил» замутим?

Еще он умеет сам отбивать дезоморфин из таблеток «Седал». Иногда это довольно полезное умение, при нашей-то жизни.

– Нет, – ответил я, – я скоро умру. Нельзя.

– Серьезно, что ль? – он попытался состряпать изумление на похмельном лице.

– Да, кажется, печень уже разлагается. И с сердцем совсем плохо. Думаю, недолго осталось.

Он разлил водку.

– Давай пей.

Я одним махом опрокинул стопарик и запил морсом. Поперхнулся ягодами и едва не выпустил все обратно.

– Тихи-тихо, – похлопал он меня по спине. – Не спеши. – И тоже опрокинул стопарик.

– Ну и пидор же у тебя брат, – продолжил он, – с матери квартиру дерет.

– Да, педрила редкостная, – согласился я.

– Я бы давно такого убил, будь у меня такой брат.

– Я бы тоже, но мне совесть не позволяет.

Мой старший брат действительно редкостный педрила. В свои 33 года он ни разу не работал. Сидел на материной шее, кланчил у нее на самогонку, а теперь еще и требует подарить ему квартиру. Я тоже был не лучше, но вовремя опомнился, стал работать и соскочил с этой лажы.

– Кстати, к тебе вчера мать приезжала днем. Не достучалась. Не дозвонилась. И дверь открыть не смогла. Поняла, что ты пьяный спишь. И дверь изнутри закрыл.

– Что сказала?

– Ничего особенного, только харчи передала, просила, чтобы ты ел. И еще книгу оставила.

Он протянул мне томик Буковски «Почтамт».

– Хорошая вещь, – сказал он, – я все его вещи читал.

– Я когда не пью, постоянно читаю, а когда пью, не могу.

– Есть будешь? – предложил он.

– Нет, – отмахнулся я и налил нам еще по одной. Мы опрокинули и закурили по сигарете «Бонд». Налили еще и тут же выпили. После четвертой стало заметно лучше.

– Слушай, Валер, – так зовут моего соседа, – а какое сегодня число?

– 22 ноября.

– Блядь, похоже я уже три дня, как на работу не выхожу. Наверное, уволили уже.

Я немного расстроился.

– А сколько ты там получал?

– 8 тысяч рублей.

– Забей. Я тебя устрою грузчиком за 10.

Мы выпили еще, и я больше не расстраивался по поводу работы.

В дверь постучались.

– Это Володя, з...бал уже, – выругался Валера. – Третий раз сегодня приходит. То соль ему дай, то хлеб, то закурить, то выпить.

– Не открывай, – сказал я. – Постучит и уйдет.

Володя стучал раз десять. Потом Валера поднялся, подошел к двери, открыл и закричал:

– Пошел на хуй, Володя!

– Понял, – невозмутимо ответил Володя. Повернулся и ушел. Больше в этот день он к нам не заходил.

4

– Ты знаешь, вчера ночью у нас в подъезде какой-то мудака с лестницы навернулся. Я уже в постели лежал. Такой грохот был. Я услышал. Хотел встать, посмотреть, но не стал. Там вся лестница в крови.

Я потрогал свой распухший нос. И понял, что он сломан.

– Не знаю, – соврал я, – я ночью спал.

За окном просыпался морозный ноябрьский день. На нашей кухне стоял табачный смрад. А в голове моей не прояснялся туман.

– Знаешь, – начал Валера, выпустив клуб синего дыма от дешевой сигары, купленной в киоске под окнами. – Раньше, как рисовали? Всю работу выполняли подмастерья, а мастер только делал последний мазок и расписывался.

Он говорил мне об этом уже раз двадцать, но я сделал вид, что слышу впервые.

– Печаль будет длиться вечно...

– Ван Гог, – опередил я.

Мы выпили еще по одной. Я закурил. Валера по-прежнему сосал свою дешевую сигару. Туман сгущался. Ко мне на колени запрыгнуло что-то тяжелое и пушистое.

– Вадик, – погладил я Валериного кота.

Вадик – большой, толстый кот с плоской мордой. Не знаю, как эта порода называется. Я его очень люблю. А он любит всех, кто приходил к Валере. Но меня, по-моему, особенно. Коты вообще меня любят. И кошки тоже.

Вадик чихал и тер лапками сморщенную мордочку. Его глаза слезились. С ним творилось что-то не то.

Валера стоял у окна и дымил в замерзшее стекло.

На грязном полу появилась большая зеленая жаба. Вся она была усеяна бородавками. Прыг-прыг. Я подумал, что у меня галлюцинации. Зажмурил глаза. Посмотрел. Жаба не исчезала. Я зажмурил еще раз и посмотрел. Она осталась на месте. Жаба существует.

– Это что? – окликнул я замечтавшегося Валеру. Он повернулся.

– Е... твою мать! Вадик! – закричал он на кота. – Опять ты пытался сожрать Катю!

Он накинул на жабу кухонное полотенце. Схватил и унес в спальню.

– Друзья подарили мне эту лягушку, – начал рассказывать он, когда вернулся, – я всегда хотел иметь что-то подобное. Она мне жену бывшую напоминает. Я тоже ее люблю. И она тоже ядовитая.

Он взял в руки Вадика, поднес к крану и промыл ему глаза.

– А этот пидарас, – говорил он о Вадике, – постоянно пытается ее съесть... А она ядовитая...

5

Мы пили еще несколько часов. Или больше. Не знаю точно. Вадик сидел тихо и слушал наш пьяный бред. Его глаза были в порядке. Катя была надежно спрятана в аквариуме в закрытой спальне.

Ближе к 12 я понял, что пора ползти домой, иначе отключусь прямо здесь, а я не люблю спать вне дома. Валера храпел лицом на грязном столе. Я кое-как растолкал его тяжелую тушу. Он поднялся и, шатаясь, закрыл за мной дверь.

6

Я пил еще два дня. Потом резко тормознулся. За три дня привел себя в порядок и устроился по наводке Валеры грузчиком на один небольшой завод. Валера не останавливался. И как-то в один из очередных приступов алкогольной горячки зажарил Катю. Съел, отравился и умер. Она, и правда, была ядовитой. Родных у него не было, поэтому Вадика я взял себе.

Месяц мы с Вадиком жили спокойно и, можно сказать, хорошо. Я не пил. Но потом пришло время расчета. Я получил свою первую зарплату. Ушел в запой. И снова оказался без работы.

Думаю, Вадику у меня живется не лучше и не хуже, чем жилось у Валеры. С одной лишь разницей – теперь никто не брызжет ему в морду ядом.

7

«Хотя бы для тебя хоть что-то изменилось», – подумал я, глядя на мурлычущего кота у меня на коленях. И опрокинул стопарик.

ПОКОЙНИК СРЕДИ ОСЕНИ

Обычный день. Пахнет железом и жженной древесной пылью. Шумят деревообрабатывающие станки.

Я напевал: «Вечная весна в одиночной камере...» и шел в конец мебельной фабрики в туалет, чтобы набрать питьевой воды в пластиковую бутылку. Самое лучшее время. Время, когда заканчивается вода, и ты можешь дать себе перерыв, взяв работу по наполнению бутылки на себя. Еще хорошо, когда обед, но там все портят люди. Несколько уставших, измученных человек, таких же добровольно заключенных, как и ты. Впрочем, все земляне заключены: на этой фабрике, на этой улице, во дворе, в этом городе, в семье, на планете, во вселенной...у себя в голове. Везде. Всегда. Повсюду. Выбраться невозможно. Пытаться бессмысленно.

Засохшая крыса за дверью сортира. Лежит уже несколько лет. Никто ее не трогает. Никому она не нужна. Лет пять назад я работал здесь же, и с тех пор ничего не изменилось. Даже мертвая крыса та же. Удивительно. Уж не думал я тогда, что место, которое я с таким удовольствием покинул, и которое, как мне казалось, с таким восторгом отпустило меня, через несколько лет не менее радушно примет меня в свои колючие и холодные объятия обратно.

Набираю воду. Не спешу. Закуриваю сигарету. Пять лет назад не курил. Теперь обожаю. Время за сигаретой тянется чуточку менее мучительно. Бутылка наполняется. Вода идет через край. Меня это совсем не трогает. Вошли две женщины — маляры с большим пластиковым бидоном. Я затушил бычок. Выбросил в ведро. Взял бутылку. Закрутил и пошел с ней обратно. Холодная и мокрая. Она значительно потяжелела. Я остановился и попил из нее.

— Дай воды? — обратился ко мне один из рабочих.

Я протянул ему открытую бутылку. Он сделал пару глотков и отдал ее обратно.

— Спасибо.

Я кивнул ему в ответ.

— Ты все еще здесь?! — услышал я голос из-за спины. Обернулся. Слава.

— Привет, — улыбнулся я. Я был рад его видеть. Когда-то мы вместе косили от армии в дурке. Там и познакомились. Он рос без родителей. От матери алкоголички отказался на суде, когда ему было 14. Об отце ничего не знаю. Наверное, его никогда не было. Несколько раз Слава поступал на медфак. Хотел стать врачом. Он умный, в меру жестокий и знает жизнь. И еще в нем есть класс. Эта врожденная внутренняя аристократичность. Он манерно курит. И всегда говорит по существу.

— Ты все-таки стал врачом?

— Закончил медфак. Хирургия. Но врачом, так и не стал, как видишь. Сейчас бухгалтер у вашего

главного.

Он лукаво улыбнулся.

— А ты как? Ты что-то писал про Рыжую девушку... Не женился?

— Нет. Она умерла.

— Как?

— На чужом хую.

Тут я невольно истерично засмеялся.

— Понятно, — кивнул Слава. Он не засмеялся. — Скажи номер. Время будет, пообщаемся.

Мы обменялись номерами и простились. Я пошел дальше, думая о том, что пыль под моими ногами бессмысленна ровно столько же, сколько и звезды над головой. Бутылка в моих руках, наполненная чуть больше половины — она уже не была особенно прохладной. Я бросил ее Вове, когда подходил к станку. Он не поймал. Она с глухим треском упала на пыльный бетон.

— Рома, одевайся, — сказал мне наш мастер, — у директора умер тесть. Надо помочь.

— Хорошо Станислав Михайлович, — ответил я (хотя какой он мне Станислав Михайлович? Стасик!) и пошел в подсобку переодеваться. Известие меня слегка обрадовало. Не смерть неизвестного мне человека, а перемена места действия. Как возможность погулять для заключенного. Хотя бы на поводке. Хотя бы взаперти. В большущей камере.

Старая «Волга» Стаса завелась с третьего раза. Было холодно. Я кутался в войлочную спецовку зимнего типа, но все равно мерз. Все это напоминало мне то, что уже было со мной. В точности до самых мелких деталей. Все, что уже было и повторилось вновь, но, знал я, не повторится снова.

— Да что они, бля... Какая ему разница... Что он, пешком пойдет, что ли. Пошли тапочки мягкие брать, — выругался Стас.

— Ну и мудак же ты, Стасик, — подумал я и сказал:

— А Бродский тоже жмуриков носил.

— Бродский? — спросил Стас.

— Он, — подтвердил я.

— И ты тоже как Бродский, хы-хы-хы, — он расплылся в дебильной улыбке.

— Гы-гы-гы, — не менее дебильно передразнил его я, и тогда он заткнулся, поняв всю неуместность своего веселья.

Он знал, что я что-то там пишу. И что у меня ничего с этим не получается. Я даже как-то много лет назад принес на работу местную газетку, в которой было написано, что Игорь Савельев номинировал меня на премию Литературрентген, которую я разумеется, впоследствии не получил.

— Я пойду покурю, — сказал Саша, вылезая из машины. Поток холодного воздуха хлынул на мои ноги. Сашу я знаю с садика. Хороший парень. Лучше меня. Это он помог мне устроиться на эту работу.

Лес. Серые деревья с редкими желтыми листьями. Запах дождя. Осень. Рыжая осень. Да-да, именно рыжая. Так теперь я люблю говорить, закрывая или же открывая глаза, что в принципе равнозначно. И откуда-то из-за всего этого голос Шевчука до дикого спазма в горле надрывно поет:

«Две мечты да печали стакан

Мы, воскреснув, допили до дна

Я не знаю, зачем тебе дан

Правит мною дорога-луна...»

Листья мокры. А Рыжая Осень прекрасна. И если отдаться ее красоте, заглядеться ею без остатка и

бежать, то можно легко поскользнуться и удариться затылком о камень, который в сиянии ее коварного ослепляющего света, увы, порой невозможно заметить...

— Все, пойдёмте, — сказал Саша, залезая в машину. — Они приехали. Просыпайся, Рома. Подъедем к задней двери.

И снова этот холод с улицы и от самого Саши. Чуждый. Неотвратимый. Едкий, как запах рыбы, и пронизывающий тебя до костей холод.

— От тебя холод, — пробурчал я. В ответ на что он только равнодушно улыбнулся.

— Все надеваем свежие перчатки... — деловито сказал Стас и протянул нам по паре новых белых рабочих перчаток с синими резиновыми точками на ладонях.

Машина подъехала к заднему входу морга. За дверью нас ждала женщина лет пятидесяти пяти. Она была одета во все черное. Сопровождал ее высокий крепкий мужчина приблизительно того же возраста. Очень ухоженная, с длинными лакированными ногтями и красиво уложенными густыми черными волосами. Она явно лет эдак двадцать пять назад была необыкновенно красивой. Сейчас же этот надорванный временем и убитый скорбью увядший цветок с опустошенным взглядом поздоровался с нами и провел в странную комнату с железными столами каждый из которых совмещен с раковиной и краном...

На одном из столов, крайнем от двери, лежал скрюченный труп пожилого человека. Он был маленького роста и одет в серый костюм. Бедняга. Наверное, при жизни у него что-то очень болело. Я посмотрел на Сергея, слегка улыбаясь: даже не Сергею, а тому, что мы сейчас будем укладывать тело в гроб.

— Гроб надо принести. Гроба-то нет, — заметил Стас.

— Ах, да, что же мы... — засуетился мужчина. Давайте я покажу. И повел нас в соседнюю комнату, дверь которой находилась недалеко от входа с улицы.

— Вот этот... — указав на небольшой деревянный ящик, обшитый красной тканью, сказал мужчина.

— Мы с Сергеем возьмем гроб, а ты пока отнеси крышку в грузовик, — сказал мне Стас.

— Крест я возьму, — поправил мужчина.

Пока я шел по коридору к переднему входу, где старый грузовик ждал своего «пассажира», в голове моей была абсолютная пустота и спокойствие, как я сейчас это понимаю. Я не чувствовал ни радости, ни злобы. Ни любви, ни ненависти. Ничего. Я просто шел с крышкой гроба в руках. Наверное, это и есть та гармония, на которую человек не способен согласиться, будучи любящим, а значит живым...

— Берите за одежду, — сказала женщина, бережно поправляя волосы на голове покойника. Невыразимая, а между тем необычайно спокойная тоска мутнела в ее глазах.

— Мы возьмем за плечи, ты бери с ног, — указательным тоном сказал Стас. На счет три, поднимаем. Тела не касайся, бери за одежду.

— Да, да. Я знаю, — ответил я.

Мы подняли тело. Это оказалось довольно просто. Но, опуская, я спецовкой зацепился за кран и чуть было не выпустил из рук штанины. К моему счастью, мужчина, сопровождающий женщину, это вовремя заметил и успел перехватить ноги умершего.

Гроб поехал в холодном грузовике, мы же в чуть менее холодной Волге Стаса.

Нести, и особенно поднимать покойника на четвертый этаж тесной хрущевки оказалось довольно тяжело и не удобно. На каждом этаже мы останавливались. Упирали край гроба на подоконник и делали передышку. Маленький, но на удивление тяжелый оказался старикашка. Или мертвые все такие?

В квартире нас встретили пожилые люди. Их лица были заплаканы и печальны.

— Я схожу за крышкой и венками... — предупредил я и быстро спустился вниз вдохнуть свежего воздуха...

— Как же?! Неужели Евгений Иванович?.. — обратилась ко мне незнакомая бабушка, заходящая в подъезд.

— Я не знаю. Я ничего не знаю, — ответил я. — Нас просто попросили помочь... — После чего посмотрел вверх. На деревьях сидели вороны. Много ворон. Я подошел к грузовику. Залез в кузов. Вытащил крышку. Положил ее на скамейку у подъезда. Затем вытащил венки. Их я поставил у входа в подъезд. Креста не было, видимо, кто-то занес его ранее. Я достал пачку и закурил.

Было это много лет назад. Мы с Д. шли по городу. Мы виделись впервые. И каждый из нас волновался. Я особенно, как мне кажется. Для меня видеть живьем человека, которого я люблю, было в диковинку.

- Знаешь, то, что написано в рассказе, который тебе больше всего понравился, все это происходило в реальности. Все это было по правде.

Не помню, что именно тогда она мне на это ответила. Так взволнован я был ее явлением. Помню, что позже мы сидели на камне у неработающего фонтана. Я захотел обнять ее, но не обнял. И она это почувствовала и заулыбалась.

— Пелевин считает, что в этом мире лучше не появляться в форме человека.

— А лучше, — она сделала паузу, очаровательно постучала кулачком по мрамору и продолжила, — в форме камня?..

Тот день необычайно светлым и ровно столько же невыносимо черным пятном навсегда протянется через всю мою жизнь. В тот день она была поразительно прекрасна. Сбылись все мои надежды. Все мечты. Все ожидания. И мольбы.

Такой прекрасной, как в тот день, Д., как и вся моя жизнь, не была больше ни разу. И не будет уже никогда.

— Что ты смотришь на крышку? — тормоша меня за плечо, удивленно спросил Сергей. — Ладно, ты бери венки. Я понесу крышку.

— Перчатки снимаем и выбрасываем... — сказал Стас, при выходе из подъезда. Я посмотрел вверх. Вороны по прежнему сидели на ветках. Мы выбросили перчатки в урну у подъезда. Сели в его колымагу и поехали назад на фабрику.

Домой я вернулся в восемь. Уже темнело. Была осень. Рыжая, подлая и прекрасная. Она восхищала меня. Немного щемило в груди и хотелось кого-то обнять. Я приготовил яичницу, но есть не стал. Не хотелось. Я посмотрел в окно. Выпил воды. Закурил и лег в кровать, стараясь по возможности не думать ни о чем.

За окном гудел уходящий поезд. Недалеко от моего дома железнодорожный вокзал. Я вспомнил, как она была строга, когда услышала мой голос впервые. Первый поцелуй. Первые объятия. И ее звонкий смех.

Тени от проезжающих троллейбусов бежали по стенам и потолку. В пепельнице дотлевала сигарета. А прыгать с девятого этажа в этот раз я не стал. Зачем? Если я сделал это еще тогда, много лет назад.

ЩЕНОК

1

Дверь была не заперта и мы вошли. Стоял едкий запах собачьего дерьма. И я понял, что в квартире живут не только люди. Юра перешагнул через кучку белых сухих какашек и проследовал в спальню. Я на кухню. На полу лежал бородатый мужчина бомжеватого вида. На вид лет 45-50. Один рваный ботинок отброшен в сторону, второй натянут на босу ногу. Подоконник заставлен грязными банками, пепельница с окурками, сухари. Некоторые куски уже покрылись черной плесенью.

- Хуйня какая-то, - выругался Юра, вернувшись из спальни, - ничего нет. Только клопы и тараканы.

- А ты чего ожидал? - хмыкнул я, - посмотри в холодильнике. Юра открыл старенький, с засаленным темным пятном вокруг ручки на покосившейся двери «Юрюзань», что стоял у стены.

- Во бя! - воскликнул он, - тут окорока и колбаса! И даже банка тушенки!

Ну хоть что-то мы сегодня поедим.

Не помню, сколько уже не ел. День, два, три... Неделя? Когда все время пьешь, о еде как-то забываешь. На второй план уходит. Хотя и хочется конечно.

Мы положили провиант в черный измятый пакет, воняющий старым салом, найденный здесь же, в холодильнике. Я помочился в неработающий унитаз. В сером туалете с пожелтевшими обоями жутко воняло. Смыв не работал. Судя по всему, коммуникации в этом доме уже десятки лет не функционируют.

Когда я вышел из туалета, откуда не возьмись появился щенок (плотненький такой меховой карапуз белого окраса, маленький совсем - и месяца наверное нет - на крепких ножках, с обрубленным хвостом и обрезанными ушами) и подбежал к моим ногам. Жалобно взвизгнул и поскуливая, принялся лизать мои старые берцы. Я оторопел. Замер и не знал что делать. Потом вытащил замерзший окорок из пакета и бросил ему. Он с жадностью принялся грызть его.

Мы вышли в подъезд. Я закурил залежавшуюся в кармане измятую беломорину. Потом услышал скулёж.

- Стой, - окликнул я спускающегося Юру, - я сейчас....

2

- Ну и чем ты его собрался кормить? Нам самим жрать нечего... - укоряюще произнес Юра, помешивая тушенку на горячей сковородке. Окорока мы обменяли на вонючую самогонку.

- Найдем чем, - ответил я, потрепывая Валеру за холку. Я решил назвать его так. Маленький медвежонок, любвеобильный и прожорливый, теперь он жил с нами - двумя полубичами - алкоголиками, раздавленными жизнью субъектами.

- Слушай, - серьезно начал Юра, - это Алабай. Его нельзя вырастить просто так. Это не дворняжка. Когда он станет большим он сожрет и тебя и меня. Это опасное животное.

Я поднял Валеру и посмотрел в его добрые карие глаза. До чего ж хороший и потешный. Я засмеялся и прижал его к себе. А за окном падал первый снег. Или второй. А может быть и третий. Точно не знаю. Но было еще не так холодно. Мерзкая зима только начинала просыпаться. Когда вся эта канитель началась, была такая же погода, и помню, шел первый снег. Точно первый. Падал и таял на щеках. Я вышел из здания «Станции переливания крови» сжимая в руке результаты анализов. Посмотрел в небо и сказал самому себе: «Скажи еще спасибо, что не ВИЧ». Гепатит С. Я читал, что большинство людей, когда узнают о наличии у себя вируса переживают сильный стресс. А мне было абсолютно похуй. Жена устроила скандал. Все не верила, что я не половым путем его подхватил, при том, что половым путем он практически не передается. А я ей не изменял! Я от иглы чужой заразился! В ту пору я немного баловался. Она так и не узнала. Я не мог признаться. Но истинная причина не в этом. Она уже давно поебывалась со своей первой любовью, когда я уезжал на вахту. Я это узнал. Добрые люди рассказали. Подумывал даже убить обоих. Или хотя бы ее. Старая СВД надежно припрятана в моем гараже. В армии я был лучшим стрелком. Но потом, после длительных размышлений подумал: «Не я давал этой бляди жизнь - не мне и забирать. Пускай идет с миром». Только ушла не она. Ушел я. Сын растет. Скоро в школу пойдет. Квартира однокомнатная. Там делить нечего.

3

Под ногами хрустнуло стекло. Я наступил на лампочку. Какой-то мудака положил ее на входе в подъезд. Света не было. Я наощупь, трясушимися руками снял домофон. Положил в старый потрепанный походный рюкзак и пошел в следующий подъезд... Юра работал в доме напротив. Потом мы вывалили два рюкзака за гаражами. Разбили все это дело молотками. Вытащили медь. Сдали в пункт приема. Получили 520 рублей. Не прибыльное это дело - бомбить домофоны. И опасное. Можно запросто пезды получить, если ктонибудь из жильцов поймает. А можно и того хуже - схлопотать срок. Неоправданно, но выбора у нас нет.

Мы купили литр самогонки. Буханку хлеба. Три пачки балканской и две соленые селедки на закуску. И еще я взял пакетик корма для собак.

4

Валера разразился звонким скулением, перешедшим в громкий щенячий лай. Он был в восторге от нашего возвращения. Его обрубок вертелся со скоростью вентилятора. Я бросил рюкзак. И взял его на руки. Он весь извивался и лизал мне лицо своим шершавым языком.

- Фу бля! Ебанный ссач! Все обоссал! Абсолютно все! И насрал! - закричал Юра, пройдя на кухню. Валера и правда постарался. Ему не впервой. Но я не ругал его. И даже не был зол. Абсолютно. Все-таки нас не было целый день. Я бы тоже не выдержал.

Я вытер ссанину и убрал дерьмо. Покормил Валеру. Юра уже успел опрокинуть стакан бормотухи. Лихо у него это получается. Одним махом полбутылки. Я так не могу. Даже рюмку за раз всю тяжело. В три захода пью. И водой запиваю. Юра не запивает.

Я разделал селедку. Пить не особенно хотелось. Я бы лучше курнул. Но не было. И поэтому я все-таки ебнул рюмочку. Закусил. Посмотрел на спящего у моих ног сытого Валерку. Закурил. По радио сквозь шипение передавали о приближающемся конце света. Но мой-то давно уже наступил, и поэтому я не беспокоился. Впрочем, это у них привычка такая - каждый год пугать народ концом света. И каждый год ничего не происходит. Ну, во всяком случае - многие продолжают жить, как и всегда. Никто не умирает. Ничего не случается. Мир остается прежним. Обманщики. Подонки. Лжецы. Пиздоболы.

5

Уже стемнело. 5 часов вечера. Той зимой там наверху что-то намудрили со временем, и темнеть стало ненормально рано. Кухню освещал огарок свечи. Свет давно отключили за неуплату. Юра отрешенно смотрел в окно. Опьянел он уже порядком.

- Ссука! - вдруг выплюнул он, ударив кулаком по столу - завалю, падлы!

Я посмотрел в окно. У подъезда стояла большая красная иномарка. Я не разбираюсь в марках. Мне это не нужно. Для меня машина она и есть машина. И ничего более. Солидный мужчина лет 35-40 и юная девушка как-то странно обнимались. Странно, потому что непонятно, то ли он ей папа, то ли ебарь. Наверное папик-ебарь. А она для него то ли Рай, то ли подстилка, а скорее райская подстилка. Девушка уворачивалась от его поцелуев в рот, и он попадал то в лоб, то в щеку...но не в губы. Видимо ротик она берегла для чего-то более серьезного и основательного.

- Завалю твари! - прошипел Юра сквозь зубы, и снова ударил по столу, так что граненый стакан, наполовину наполненный самогоном, перевернулся и мутная, едкая жидкость потекла со стола на пол. Резко поднялся и направился к выходу. Я схватил его и усадил обратно.

- Тихо-тихо, друг, обожди чуток. Мы кажется не все сдали...

Тут главное отвлечь внимание и оттянуть время.

Юру я знаю очень давно. Практически с самого детства. Мы росли в одном дворе. Он серьезно увлекался боксом. Даже был чемпионом республики в полусреднем весе. Ему светила карьера профессионального боксера. Он тренировался каждый день с фанатичной преданностью своему делу. Но потом случилось то, что перевернуло его мозги. И жизнь. Его старшая сестра - известная шалава в районе - была убита. Ее нашли с пробитым черепом в наркопритоне. Как выяснилось потом, ее очередной жених в порыве ревности, будучи бухим в хлам, случайно пробил ей голову гантелей и бросил подыхать, испугавшись ответственности. Очень скоро его поймали. Посадили. Сестру похоронили. А Юра ударился в пожизненный и беспросветный запой. Даже как-то загремел в дурку. Полежал там. Оклемався. Потом его выпустили. И он снова стал пить и сходить с ума. Квартира в которой мы живем, осталась ему после смерти родителей.

6

В тот день Юра приволок какую то обоссаную блядь и всю ночь шпилит ее на кухне. И все повторял, что он дельфин, а она его русалка и они вместе плавают в синей морской пучине. Часам

к трем ночи они немного успокоились, и стали в два голоса петь «Черный воорАн...что ж ты вьеооошься...а над моею головоооой...». А затем она засмеялась стервозным грязным смехом и стала хвастаться тем, что она всегда проглатывает и берет до конца, полностью. А потом Юрке надоело все это, он открыл окно и вытолкнул ее. А сам уснул. Валера спал у меня под боком, временами поскуливая во сне. Ему, как и всем нам снилось что-то страшное.

7

Утром я хмурый и не выспавшийся пошел на работу - побомбить сады в поисках цветного металла. Но сначала я покормил остатками еды Валеру и выгулял его. Девушка, к которой приезжает папик, тоже гуляла с собакой. Черный ньюфаундленд беспрекословно выполнял ее команды: «Лежать!», «Сидеть!», «Стоять!». Красивая властная амазонка. Без папика, с верным добрым псом рядом она выглядела как-то по - другому...Чище и светлее что ли. Порядочной она мне показалась. Не вязалась со сложившимся у меня образом подстилки. Мы разговорились о собаках, хотя я в этом ничего не смыслю. А потом она вдруг изменилась в лице. Стала очень серьезна и спросила меня:

- Мы с вами раньше нигде не встречались? У меня такое чувство, что я вас очень хорошо знала когда-то... Но, просто забыла об этом, как забывают со временем сны.

- Возможно, - ответил я, - в какой-то прошлой несуществующей больше жизни.

- Неужели все так безнадежно?

- Я реалист. Поэтому во мне нет ни капли надежды.

На этом я почувствовал острое желание больше не разговаривать с ней. Извинился. Сказал, что мне нужно идти по делам. Завел Валеру домой, а сам ушел...

8

Когда я вернулся, дверь в квартиру была открыта. Все перевернуто кверху дном. Юра лежал на кухне со спущенными штанами, перерезанным горлом и отрезанными яйцами. Валера лакал с пола его кровь. Кто-то завалился в хату и убил Юру. Снятые штаны...кастрация....Вчерашняя блядина навела кого-то. Да, наверное, так. Больше было некому. Юра обошелся с ней по-джентльменски, вытолкнув зимой ночью в окно первого этажа. А она оказалась ведьмой, и навлекла на Юру силы зла. И эти силы забрали у Юры его глупую жизнь. Или ее ревнивый муж узнал о ее похождениях? Бред какой-то. Сон. Небыль. Но оставаться было нельзя. Убийство, скорее всего, повесят на меня. По-другому и быть не может. Я буду первым подозреваемым. Нагрузят много чего поверх. Да еще и бутылку шампанского в жопу засунут, как это любит делать полиция в нашей стране.

Я накрыл тело простыней. Взял Валеру и ушел.

9

Та прекрасная девушка с ньюфом стояла у подъезда. Одна. Она была грустна и потерянна. Я сделал вид, что не заметил ее и прошел мимо. Потом остановился. Посмотрел на дрожащего Валеру у меня в руках. Повернулся, подошел к ней и отдал щенка.

- Пожалуйста, - сказал я, - позаботьтесь о нем. Я знаю - вы очень хорошая. Он умрет, если вы не поможете ему.

- Хорошо, - ответила она, - я позабочусь.

10

Я ощущал ту же скорбь и тот же ужас, в которые погрузился, когда мне приснилось что умерли моя жена и ребенок. Все кого я любил. И кто и является для меня всем миром.

Я стиснул зубы и быстрым шагом, не прощаясь, направился в неизвестно куда.

- Подождите! - крикнула мне девушка.

Я обернулся.

- Как вас зовут!? - спросила она

- У меня нет имени, - ответил я и пошел дальше.

ПЕРВЫЙ СНЕГ. ТОЧКА НЕВОЗВРАТА

1

Проснулся я от неприятного скрежета. Под соседней койкой мужчина лет тридцати настойчиво скреб пальцами по грязному линолеуму.

- Что ты делаешь? – спросил его я.

- Покакал, закапываю, - объяснил он.

Я поднялся. Протер глаза. Голова кружилась. В теле ощущалась слабость. На мне была старая больничная пижама. Под кроватью лежали истрепанные кожаные шлепки. Не мои конечно же. Тоже больничные. Поэтому я не спешил совать в них ноги. Сосед продолжал закапывать воображаемые экскременты. Тут я вспомнил, как оказался здесь. На кануне я обожрался «Тарена» и мне стало казаться, что по мне ползают огромные тараканы. Я упал на пол и с неистовым криком и остервенением стал сдирать их с себя. Дело было в торговом центре. Поэтому скорая прибыла оперативно. Помимо всего прочего, рядом, по счастливому стечению обстоятельств, оказалась моя бывшая девушка с ее новым ебарем, которым она заменила меня. Он впервые

увидел, Кто Такой трахал его женщину, до него. Не знаю, посмеялся он или поплакал. Или и то и другое сразу. Не мое дело. Но лично мне от всей этой ситуации весело.

- Развяжи меня брат, - услышал я шепот из-за спины.

Я обернулся. Человек был привязан к койке «вертолетиком». Это когда он крепко привязан по рукам и ногам и еще заблокирована грудная клетка. Очень надежно. Самому в таком случае освободиться невозможно. А если тебя к тому же при этом тошнит и тяжело дышать то вообще жопа.

- А что случилось? – спросил его я.

- Я два миллиона в карты проиграл, - нервно прошептал он, - мне срочно надо в аэропорт. Лететь в Питер. И отдать деньги.

Я развязал его. Надо же помочь человеку, раз такое дело. Карточный долг – это святое. Он выбежал из палаты босяком. Через несколько секунд я услышал крики медсестры:

- Кто его развязал!...Санитары!...

Картежника поймали где-то в туалете. Принесли обратно в палату. И привязали, как и было, строго настрого наказав всем, кто был в палате не освобождать его. Больше я его не развязывал.

Я все – таки, как не противно было, всунул ноги в больничные шлепки, в которых до меня побывало сотни ног, подобных мне бедолаг. Сделал несколько глубоких вдохов. Поднялся и вышел из палаты. Прошел по длинному коридору. Подошел к посту мед. Сестры.

- Здравствуйте, - обратился я к девушке с неприметным лицом. Ну, вот такое лицо, что никаких отличительных черт нет. Увидишь и не запомнишь. Еще раз сто увидишь и то же самое.

- Я к вам вчера поступил...

- Файзуллин? – опередила она.

- Да.

- Вас с острым психозом привезли.

- Мобильник мне мой отдайте и сигареты.

Она вопросительно посмотрела на меня.

- Да – да, - продолжил я, - мне позвонить надо и курить хочется.

Она вытащила откуда - то из стола мой телефон и пачку сигарет «Винстон». Я взял телефон и курево. Вытащил одну сигарету зубами и положил пачку в карман.

- И зажигалку, - вспомнил я вдруг.

Она отдала мне зажигалку.

- Туалет где?

- Прямо и направо.

- Спасибо.

Я закурил по пути в туалет. В отделении было на удивление пустынно. В сортире тоже никого. Три раздолбанных грязных унитаза. Решетка на окнах. Посередине железное ведро, наполовину

наполненное водой с хлоркой. Хабарики уютно теснят друг друга в серой жиже. Неприятный запах из смеси хлорки, мочи и табака. Он знаком мне.

Я докурил сигарету. Выбросил окурки в ведро и закурил новую. Достал телефон и стал смотреть последние вызовы.

Настя. За ней шел Паша Калина.

Я нажал на «Настю». Ответил сладкий женский голос.

- Привет моя фридоочка.

Настя художница би сексуалка. Она обижается, когда я называю ее лисбученком. А вот по поводу фриды ничего против не имеет. Видимо это вызывает в ней некую гордость. Ее странные сюрреалистические картины очень нравятся мне. Она хороший художник, возможно, даже гениальный. Впрочем, в этом я мало что понимаю. Помимо всего этого она высокая с отличными формами некрашеная зеленоглазая блондинка с безумным взглядом и отличными мозгами. В общем - очень красивая женщина. А уж в этом я кое - что смыслю.

- Привет, - ответила она, - ты помнишь, что с тобой произошло?

- Да, но туманно. А ты откуда знаешь?...

- Я с тобой была...

- Я тебя не помню....

- Ладно. Ты на втором этаже?

Я посмотрел в окно.

- Да.

- Я через пол часа приеду.

Телефон отключился. Я выкурил третью сигарету. Постоял пару минут. Посмотрел в окно. На улице шел первый снег. В конце декабря. Все в нашем мире приходит с запозданием. Раньше первый снег вызывал во мне что-то такое, чего нельзя было передать словами. Теперь же я ничего не чувствовал. Снигерек сел на карниз. Покрутил своей маленькой головкой. Посмотрел на меня и улетел. Вот бы и мне так – вспорхнуть и улететь подальше от сюда.

2

Настя приехала через час. Я встретил ее в комнате для посетителей. Грубо схватил за волосы и сочно поцеловал в губы в засос.

- Ух ты! Ты никогда раньше так не делал, - улыбнулась она.

- Я вообще не одну женщину не целовал, кроме моей бывшей и своей мамы.

- Значит я первая? – кокетливо спросила Настя.

- Да, мы же в дурдоме, а здесь можно все, - ответил я, равнодушно улыбнувшись уголком губ.

Мы сели на кушетку. Она обняла меня.

- Как себя чувствуешь?

- Плохо. Хочу вылизать тебе.

- Рома перестань. Здесь же люди...

Кто – то сидевший недалеко от нас хихикнул. Но мне было наплевать.

- Хочу напиться и вылизать тебя.

- Ты же не пьешь, - сказала она по – прежнему прижимаясь ко мне. А я прижимался к ней. И наши лица смотрели за спину друг другу.

Я и в правду не пил. Год назад, после очередной недельной пьянки у меня конкретно поехал шифер. Мне показалось, что все вокруг хотят меня убить. И я выпрыгнул в окно. Спасло меня то, что это был первый этаж, а не девятый, как мне казалось. После я решил закодироваться от алкоголя. Знакомая медсестра с наркологии отказалась это делать, поскольку я не просто алкоголик, а еще и наркоман. Посоветовала мне обратиться к главному врачу городской наркологии. Дело решилось на том, что я просто сам перестал пить.

- Хорошо, что ты пришла.

Она разомкнула объятия. Обхватила мою голову руками и с нежностью посмотрела мне в глаза:

- Ромка, ты такой хорошенький.

- Ну вот...- только и смог сказать я. Почему – то подобные комплименты не особенно воодушевляют меня.

На насте было черное короткое облегающее платье. Черные колготки. Сапоги. Поверх был накинут белый халат. Я просунул руку ей между ног, ощутив сладкое приятное тепло.

- Ты кушал? – спросила она, убрав мою руку из своего междуножья.

- Нет, - ответил я, - я не могу есть то, что здесь дают. – Да здесь по - моему еще ничего и не давали.

- Я тебе покушать принесла. Мяско. Салат. Домашний хлеб. Все как ты любишь.

- Я не хочу.

- А чего ты хочешь?

Я опять полез рукой к ее промежности. Она резко откинула мою руку.

- Перестань!

В дверь позвонили. Медсестра подошла и открыла ее. Вошел крепкий парень лет 25-30. Среднего роста, в фуфайке и с косой в руках. Что косил он в декабре месяце? Парень посмотрел на нас из коридора пустыми и грустными глазами, как смотрит побитый жизнью уличный пес. Настя напугалась.

- Не бойся, - успокоил я, - он не буйный. Буйному бы косу не доверили.

- Марат, проходи! Чего встал?! – Крикнула ему медсестра и он исчез в пустоте дурдомовского отделения.

Мы еще какое то время сидели обнявшись. Настя что-то рассказывала мне о последних событиях ее жизни. О прожитом дне. О предстоящей выставке и новых задумка в творчестве... Я мало ее слушал. Просто наслаждался теплом ее близости и старался ни о чем не думать.

- Ну ладно, я пойду. Ты устал, наверное?...

Настя посмотрела мне в глаза. Поцеловала в губы и еще крепче обняла.

- Я тебя... - люблю - хотел сказать я, но получилось только:

- Хочу.

- Знаю. Я тебя тоже, - улыбнулась Настя. – Звони если что. И кушай. Завтра я приду в это же время.

Она еще раз крепко обняла меня, поцеловала в щеку и ушла. А я остался один на скамейке для посетителей с пакетом еды в руках. Никого вокруг не было. Все давно уже разошлись. Мне хотелось броситься Насте в след, упасть ей в ноги и разрыдаться, как маленькому ребенку. Но вместо этого я достал сигарету и закурил. За что сразу же получил замечание от медсестры.

3

Я лежал на койке. Привязанный картежник умолял меня развязать его. Тогда я встал, оторвал кусок от его одеяла и засунул ему кляп в рот. Больше он не умолял. Капельщик, видимо наконец-то зарыв воображаемые кашки сладко уснул прямо под койкой. За решеткой окна сыпал крупными хлопьями восхитительно белый снег. На подоконнике сидел высохший желтый старикашка и в натуральную ел собственное говно. Кушать мне совсем не хотелось. И спать ни хотелось. Хотелось бежать, но сил бежать не было.

4

Часа в четыре вечера я проснулся от вибрирующего мобильного у себя в штанах. Номер был мне не знаком. Я ответил.

- Здорова! Это Калина! – Сказал интеллигентный мужской голос в трубке.

- А это Файзуллин, - ответил я.

Звонил Паша Калина. Мой старший товарищ и сосед по дому. И по пьянству в прошлом. И по наркомании в настоящем. О нем я еще расскажу обстоятельно. Но позже и не в этом тексте.

- Ты где? Я не со своего номера. Телефон где – то оставил...

- Я в дурке.

- Я серьезно.

- Правда в дурке. Я вчера «Тарена» обожрался и мне начало казаться, что по мне лазают большие черные тараканы....

- Ну ты даешь. Хахаха!

- Приедь за мной. Меня от сюда не выпускают.

- Ты в какой больнице?

- У нас она одна.

- А, да. Туплю. Сейчас приеду. Минут 20 подожди.

Через 10 минут Паша стоял за окном у такси. Я махнул ему рукой, что бы он зашел. Я встретил его у входа. Мы поздоровались.

- Я уже здесь заебался, - начал я, - не могу больше.

- Домой? – предложил Паша.

- Да, - ответил я, - но они не отпускают и вещи мои не отдают.

Мы прошли в отделение.

- Где врач? – спросил он медсестру.

- Кабинет в конце коридора, - ответила та.

Мы прошли по длинному коридору. Медленно. Быстро Паша идти не может. Он инвалид. У него редкое заболевание «остеомиелит». Когда - то давно, много лет назад мусора прострелили ему ногу и с этого все началось. Или не совсем с этого. Не важно. А потом он сидел. Много. И вмазывался маком. Тоже много. И еще произошло много чего. Но это уже история, как я повторяюсь не данного рассказа.

Мы подошли к двери с надписью «Зав. Отделение Ежов А.Н.».

- Стой здесь, - сказал мне Паша и вошел в кабинет.

Через минут 5 он вышел.

- Собирайся. Сестра отдаст тебе одежду. – Выписка тебе не нужна?

- Конечно.

Мир по ту сторону дурдовмоской решетки встретил меня порывом свежего зимнего ветра. Приятные хлопья снега летели мне в лицо. Мы сели в такси. Паша сказал водителю какой-то неизвестный мне адрес. Но я знал, зачем мы едем... Машина тронулась. На душе у меня было по прежнему холодно, но к этому холоду прибавилось привычное мне чувство из смеси веселья и теплого спокойствия на фоне тотальной безысходности. В общем, предвкушение небольшой сладкой радости, раз уж ничего другого не остается. У каждого в жизни есть точка не возврата. И свою я давно уже миновал.

Мы ехали через старый город. Ехали медленно. Не спеша. Или мне казалось, что мы едем медленно. Я видел себя в отражении витрины проплывающего магазина. Парень с девушкой обнимались. Они смотрели на свое отражение и смеялись. Радовались глупо и безмятежно сиюминутной романтике и счастьем, подаренному им этим миром, видимо, в качестве бонуса за предстоящие страдания и вечную разлуку.

- Паша протянул таксисту пятисот рублевую купюру.

- Отсчитай сдачу сам, - сказал тот, протянув ему кучу десятирублевков.

- Нет, братан, я считать не могу, - ответил Паша. - Приедем, сам посчитаешь.

За окном посыпанные снегом деревья были сказочно завораживающе хороши. Березы, Тополя, пушистые Ели...Сказка из далекого детства накрыла проклятый городок.

- Посмотри, как красиво, - сказал мне Паша.

- Да, - улыбнулся я.

Людей на улице практически не было. Только птицы и изредка собаки. Тихое холодное спокойствие. Бриллиантовая тишина. Все - таки, первый снег в опустевшем городе – это всегда прекрасно.

Я закурил и немного согрелся. Мы уже подъезжали.

ДВЕ ЗВЕЗДЫ

Время около 4 часов утра. Может быть пол 5 или около того. Предрассветное состояние. Заплывающая, но все – таки еще очень красивая Луна на едва проясняющемся небе и только две звезды. Одна меньше. Другая больше. Обеих в действительности уже давно нет. Только свет их до меня доносится. И размер, по которому я различаю, что одна меньше другой. И это почему-то делает момент особенно прекрасным и запоминающимся. В руках у меня бутылка пива. Недопитая. Меня тошнит. Я бросаю ее верх. Она летит обратно. Разбивается вдребезги, ударяясь об асфальт.

- Ну, - обращаюсь я, глядя в небо, - накажи меня еще пидр. Что, не получается?...

Пока болтаю с Ничем, не замечаю как отхожу довольно далеко от киоска, из которого нам вызывают такси. Шурик, мой товарищ, когда ехали потерял телефон, а я свой еще вчера загнал первому попавшемуся таксисту. Это я умею. Это не сложно.

- Куда ты ушел? С кем ты там разговариваешь? – крикнул мне Шурик.

Я вернулся обратно. К киоску. Мы сели на железное ограждение.

- Вызвали, сейчас такси приедет.

- Спасение уже рядом, - равнодушно констатирую я.

- Продавщица, жена хозяина ларька.

- Да, хорошая женщина, - соглашаюсь я, - все остальные отказались вызывать нам такси.

Достаю пачку. Вытаскиваю сигарету. Шурик подносит мне зажигалку. Я закуриваю, но ничего не чувствую.

Спать и не видеть снов, вот это во истину хорошо. Я это понял, так как спать, не видя снов, не могу уже очень давно. Много лет. И даже просто спать не всегда получается.

Подъезжает такси. Мы садимся в него.

- К ближайшему банкомату, - говорит Шурик водителю, - надо деньги снять.

Машина от Первомайска, сквозь мглу едет к Дружке. Останавливается у магазина Монетка. Шурик выходит из такси. Подходит к банкомату.

- Это конечная? – спрашивает меня таксист.

- Нет, еще в аптеку и обратно потом, - опережая события, отвечаю я.

Опять жизнь. И опять я болею. Не только из – за тебя. Все в той или иной мере причиняет мне страдание. Хотя конечно превалирующий источник боли здесь, если трусливо отбросить меня самого - это Ты. Я любил тебя, когда пил и кололся. Любил, когда сходил с ума. Любил, когда

умирал. Любил, когда обливал грязью, ненавидел и называл шлюхой. И теперь, прощаясь с тобой навсегда, я тоже Люблю Тебя.

Шурик снимает деньги. Садиться обратно в такси. Мы едем в аптеку на Курчатова. Он снова выходит. Покупает две пачки Тетралгина. Тропикамид 1%. И два шприца – десятки. Садится в машину. Велит таксисту ехать обратно на Первомайск. Таксист просит заплатить за уже наезженное. Шурик платит за весь путь в сумме и мы едем обратно. Светает. В пути я смотрю на пролетающие деревья вдоль дороги. На остановки. Тени. Одиноко стоящие машины. Ни одного человека. Это мне нравится. Сердце болит. Я думаю о тебе. Ничего конкретного. Просто Ты. Всегда и везде. Я могу плохо о тебе думать. Могу плохо тебя видеть. В тумане и грязи. В полумраке. В обморочном состоянии. В бреде. Но ты всегда где-то рядом. Ты во мне неотвратима. Я к этому привык. А правильнее будет сказать – свыкся.

Мы высаживаемся на остановке, не доезжая до дома. Надо сделать еще кое – какие покупки.

- Пиво возьмем? - спрашивает Шурик.

- Конечно, - отвечаю я, - и сигарет. У меня заканчиваются.

Одинокий пес лежит на асфальте. Я подхожу к нему. Он сперва отбегает. Бойтся. В глазах страх и смирение. Жалкое существо. Жизнь сломала его, но он все еще живет, потому что не знает другого варианта.

- Брат, - говорю ему я, - поглаживая и слегка потрепывая за холку. Он все еще опасается, но уже дает к себе прикоснуться.

- Пошли! – кричит мне Шурик.

- Я друга нашел, - говорю ему, показывая взглядом на пса. Шурик улыбается:

- Тут полно таких друзей.

- До свиданья, - шепотом говорю я псу и мы уходим.

На пол - пути к дому останавливаюсь и как-то особенно тоскливо поднимаю глаза в небо, ничего собственно для себя от него уже не ожидая. Луна исчезла. Две звезды растворились. Небо прояснилось, но от этого стало еще тусклее.

- Я ключи забыл, - говорит Шурик уже у подъезда. – Опять придется через окно лезть.

Это старый район. Из одних хрущевок. Край города. И хотя, в этой квартире редко когда появляются. И притом первый этаж, окна в ней летом, никогда не бывают закрыты. Шурик здесь не живет, но он здесь вырос. Его все знают, и никто не решится посягнуть. Дороже обойдется.

Шурик залазит в окно. Я иду в подъезд. Он открывает мне дверь. Ключи лежат на тумбочке.

- Ну вот, - говорю я глядя на них.

Я начинаю ходить из стороны в сторону и скулить.

- Ты чего Ромик? – спрашивает Шура.

- Не знаю. Чувство, как будто все в теле болит, но и боли, как таковой не чувствую.

- Сейчас вмажемся и полегчает, - успокаивает он.

Мы берем рюмки и шприцы. Идем на кухню. Ополаскиваем рюмки, набираем по пять кубов воды в каждый шприц. Возвращаемся в зал. Раскатываем таблетки. Высыпаем в рюмки. Выливаем туда воды из шприцов. Хорошенько разбалтываем. Вытягиваем через ватки. Добавляем по пять кубов Тропикамида и вмазываемся. Я нормально, а Шурик начинает бормотать что-то бессвязное. Встает, секунду другую ходит по залу и падает у кровати. Я пытаюсь его поднять, но тщетно – его небольшое, но очень мускулистое и плотное как свинцовый шарик тело не поддается моим ослабевшим рукам.

- Ну ладно – говорю я, - так поспи Шур. Он еще секунду другую что-то бормочет и отключается. Я сажусь в кресло. Открываю банку пива. Делаю глоток. Закуриваю и тоже пытаюсь отключиться. Но

все напрасно. Я лишь погружаюсь в подобие сна. Темную дремоту – промежуточное состояние между сном и бодрствованием. Там совсем никого. Ты один на один с собственным адом. И скорбь. Особенно ярко это темное и сырое, поразительно плотное по ощущениям чувство скорби. Утраты. Потери. Безысходная необратимость. В таком состоянии я свесив голову пребываю несколько часов. Слышу все что происходит вокруг, хотя вокруг ничего собственно не происходит. Час – два – три часа. Пробуждение. Шурик поднимается.

- Ну наконец – то, - говорю ему я, - сколько можно спать.

- Долго я спал, - спрашивает он.

- Долго, - отвечаю, - а я - то не сплю совсем.

- Толкнул бы меня, - говорит он, - разбудил.

Мы поднимаемся. Убираем шприцы, ватки, окурки. Берем ключи. Выходим на улицу.

Забавное чувство, когда тебе говорят, что ты вот очень скоро уже умрешь, если не перестанешь делать определенные вещи, а ты плюешь на это и все равно продолжаешь их делать, и не умираешь. Как – будто упираешься ногами в небо и не даешь ему упасть.

Зубы болят. Вся челюсть. Еще год назад у меня не было таких проблем. Болят ноги и периодически сердце. Но это ерунда, главное небо пока еще не рухнуло.

Пес у остановки, мой новый друг, стоит с длинным вытянутым лиловым членом. Тяжело дышит. А рядом его подружка.

- Хаха, - говорю я Шурику, - смотри.

Он не обращает на это никакого внимания. Мы садимся в маршрутку. Едем через весь город.

Выходим у аптеки. Закупаемся. Берем тоже самое и еще спирта. И идем уже ко мне домой. Там снова трескаемся и отключаемся. Сил больше нет. Я уже никуда не хочу идти. Хочу лежать и ничего не слышать.

Проходит час – два – три. Вечность. Шурик просыпается. Подходит ко мне и склонившись обнимает.

- Ромик, - говорит он удивительно тепло, - сынок.

- Шурик, - сынок, - отвечаю ему я, взаимно обнимая. И радуюсь, что вижу его в сознании и добром здравии.

Я поднимаюсь с кровати. Он наливает пол стакана разбавленного спирта. Выпивает. Наливает еще и предлагает мне. Я беру стакан. Минуту держу в руках и возвращаю.

- Не могу, не лезет.

- А я выпью, - говорит он и опрокидывает вторые пол стакана. Я ослабевший снова заваливаюсь на кровать.

- Как думаешь, сколько нам еще осталось? – спрашиваю его я.

- Две недели или двадцать лет, как скажешь... - отвечает он.

- Да, счастливая старость нам обеспечена.

- Да уж, - смеется он.

Потом мы говорим о чем-то многозначительном. О чувстве вины и боли. О страдании и обреченности. О воспоминаниях и книгах, которые хранят их. О похоронах моего отца.

- Ты, наверное, не помнишь меня, когда я еще твоего отца хоронил? Ты еще маленьким тогда был.

- Помню, - отвечаю я, - даже помню, когда ты закапывал могилу.

Я действительно все это помню в мельчайших деталях, хоть и прошло 11 лет.

Мы еще сидим какое-то время. Говорим о прошлом. Периодически смеемся, хоть и хочется заплакать. Я так и не могу выпить ни капли.

- Пойду, - говорит, наконец Шурик. Поднимается. Снова обнимает меня. На прощание.

- Там спирт еще остался, если захочешь, выпьешь, - говорит он и я закрываю за ним дверь.

Возвращаюсь в спальню. Сажусь за стол. Смотрю на неполную полторушку. Открываю окно и

выкидываю ее. Затем закуриваю. Смотрю на дым. За окном темнеет. Так заканчивается еще один марафон. Еще один кусок жизни в никуда. Еще один день в парашу.

МОЯ МОГИЛА - ПЛАНЕТА ЗЕМЛЯ

1

Он зашел ко мне, в то время как я, сидел у себя в спальне весь в крови и с распидарашенными венами. Кровью было залито все что можно: кровать, пол, мои джинсы.

- Коли в центряк, - сказал он мне.

- Не могу - ответил я, - на левой центральной разъебана в хлам, а на правой у меня их от природы нет.

То есть они у меня, конечно же, есть(их не может не быть), но настолько не явные, что как будто их и нет.

- Сожми и накачай. Они все - равно появятся.

Я так и сделал. Артем попытался вколоть мне красную жидкость десяти кубовым шприцем. 7 кубиков. Тропикамид и Тетралгин. Ну и крови моей, конечно же, там уже накачено не меряно. После десятой попытки я не выдержал. Взял у него шприц и ввел себе в синявку, которую я едва видел - все до остатка. В месте введения неприятно зажгло. Надулась большая шишка.

- Вот говно! - выругался я, - задул...

- Сетку йодную сделай, - сказал Артем.

- Сам знаю.

Я помазался йодом. Сходил в ванную обмыть руки. Взял тряпку. Вернулся в спальню. Вытер полы. Выкинул тряпку.

- А теперь и побухать можно, - заключил я, закурив сигарету.

Артем не стал возражать и мы проследовали в зал.

2

В зале трое мужчин зрелого возраста – Геннадий, Володя и Сергей распивали аптечный спирт разбавленный водой один к одному. Из телевизора по каналу «Ля – минор» звучал отвратный шансон.

- Наливай а то уйду! – крикнул я Геннадию. Он самый старший из них и работает по вахтам на севере. Когда приезжает весь район пьет спирт и самогонку на его деньги. Володя нигде не работает. Сергей работает где придется. Но чаще всего тоже нигде.

- Да не вопрос, - улыбнулся он желтыми зубами и налил мне стопарик. Я опрокинул и занюхал куском сухого хлеба. Зрение мое по-прежнему оставалось не важным. Глаза, казалось, вот-вот вылезут из орбит. Давление.

Следующим выпел Артем.

- Темнота блядь повсюду, - озлобленно проворчал я, усевшись на табуретку.

- Рома, тут светло, - сказал мне Артем, затягиваясь моей сигаретой.

- А, ну значит, мне только кажется....

- Как твоя книга? – спросил меня Геннадий. Володя и Сергей говорили о чем-то личном и не обращали на нас никакого внимания.

- Никак. Не пишется.

- А как твоя девушка.

- Никак. Ебется.

- Повторить? – показал он на банку спирта, видимо не зная о чем беседовать дальше. Я утвердительно кивнул головой. Быдловатый мужик в телевизоре поющий шансон внезапно остановился и крикнул не понятно кому именно из нас:

- Расслабься! Ты не умрешь!...

И продолжил свое тошнотное пение. Я принял это на свой счет, но его предупреждение было излишнем. Я давно уже не напрягался по поводу жизни. А уж по поводу смерти тем более.

Геннадий протянул мне рюмку. Я выпил.

3

Смена ангелов на бесов происходит внезапно и стремительно. Со скоростью света рушится твоя Вавилонская башня и с легкостью, даже не песочного замка, а карточного домика. Остаются руины. Жалкие обломки, на которых густо произрастают черные цветы вперемешку с вонючей серой плесенью.

- Роман мне пора. – сказал едва ворочая языком Артем. – Жена ждет. Ругаться будет.

- Ну иди, - ответил я.

- Закрой за мной дверь.

Я встал. Проводил Артема до двери. Закрыл. И вернулся в зал. Сергей с Володей по-прежнему говорили о личном. Сергей рассказывал Володи, что когда он был лет на десять положе, то ебал покойную ныне отравившуюся своей же продукцией самогонщицу Галю. Сергей сказал, что у него тоже с ней пару раз было и они засмеялись. Геннадий попросился в туалет. Но на пол пути споткнулся, упал ничком и уснул. Мы не стали его поднимать. Я взял дымящийся остаток сигареты из пепельницы и хорошенечко затянулся до самого фильтра, почувствовав химический привкус на языке. Затем налил себе еще и выпил. В штанах завибрировало. Звонила Алеська. Моя знакомая из соседнего города. Она сказала, что только что приехала и предложила встретиться для всем

известного дела. Я посмотрел на свое отражение в зеркале серванта. На меня смотрел обросший и опухший парень с невымытыми сальными локонами волос на голове. Полное чмо. Я прямо сказал Алеске, что не могу с ней сейчас поебаться, по тому, как пьян и нахожусь в крайне плачевном состоянии. Она не стала возражать и бросила трубку. Меня это устраивало. На самом деле мне и не особо то хотелось сношаться с ней. То есть хотелось, но не мне, а моему телу. Ну, знаете, как это бывает – когда тело хочет одного, а лично ты совсем другого. И становится крайне мерзко и отвратительно. Уверен - вам это знакомо. Ведь все мы люди. Разве не так?

4

Я смотрю на фотографии людей. На их лица - чужие и радостные. И мне кажется, что все они против меня. Но я понимаю, что это паранойя. Что в действительности - это не так. Да даже если бы они и были против меня, я все равно был бы не прав, потому что - это я пришел в их мир, а не они в мой. Даже если они подошли ко мне первые. Даже если они в моем доме. Это я в их мире, а не они в моем. Как инопланетный чужак в земной могиле смеюсь я над тем, что даже смерть меня не принимает. Чего уж говорить о Тебе.

Я говорю, какойнибудь женщине: «Я хочу тебя оттрахать». Хотя знаю, что в действительности я не буду этого делать, потому что в действительности не хочу. Я лишь хочу подчеркнуть, выворачивая из себя все самое грязное и низменное - низость человеческой природы. Вызвать у вас отвращение. Показать, что я такое же говно, как и Вы. Но, с одной значительной разницей: я себя за это распял - а вы себя за это вознесли. И вот я уже в детстве стал догадываться, что наши желания, они не совсем наши, а вернее совсем не наши.

- Ты пить будешь? – толкнул меня локтем в бок Володя. Сергей к тому времени уже тоже спал. Верхняя часть его тела развалилась на стуле, а нижняя на полу.

- Разумеется, - ответил я и пригубил одну треть рюмки. Спирт уже не так охотно входил в меня. Проглатывался с трудом и вызывал легкие позывы к рвоте. Дым в комнате сгущался. Но я все еще мог отчетливо различать свое отражение в зеркале. Оно – мое отражение неприятно смеялось и хохотало, хотя я был абсолютно спокоен.

- Ну, ты как всегда, цедишь в три глотка, одну рюмку, - заметил Володя и опрокинул полную. Мое отражение стало строить мне гримасы и хохотать еще пуще и отвратительнее.

5

- Ааа! – вскрикнул я от резкого болевого толчка в груди и открыл глаза. Сергей и Геннадий по-прежнему пребывали в состоянии покоя. Володя курил, не спеша наливал и пил в одного.

- Что с тобой? – спросил он.

- Ничего, - ответил я, - вам пора.

- Ага, - согласился он, - хорошо.

- И эти тела с собой забирай, - проворчал я ему указывая на Сергея и Геннадия, который к этому времени уже начал подавать слабые признаки жизни в виде мычания и кажется - обоссался.

6

В 8 утра меня разбудил телефонный звонок. Я разомкнул слипшиеся веки. Глаза щипало и предметы расплывались. Звонил Юра.

- Алло.

- Привет Рома. Собирайся через пол часа я заеду. Поедем копать могилку.

- Ага, хорошо, - пробормотал я.

- Ты что опять бухаешь?

- Да.

- Копать то сможешь?

- Смогу.

- Точно сможешь?

- Ну говорю же смогу!

- Хорошо. Я заеду.

7

Ох, как говно в голове кипит. Ох, как ясно видны мечты, поросшие вонючим мхом несбывшегося прогнившего ожидания. Но все-таки пока еще живые и весьма осязаемые жадной памятью.

Большая и глубокая могила – планета Земля, для всех, кто хочет чего-то большего, чем просто биологическое существование. И могилу эту приходится рыть постоянно. Потому что другой работы нет. И не может быть.

Я потянулся за банкой с водой на столе. Жадно отглотнул. Там оказался спирт. Меня выдрало прямо на ковер кислой желтой рвотой. Потом еще раз. И еще раз. На этом мое содержимое иссякло. Я утерся рукавом. Закурил и отдышался. Затем, не без труда поднявшись, ощущая тяжесть и боль во всем теле, я, маленькими шагами дряблого старика побрел в ванну. В ванной я первым делом хорошенечко присосался к крану и поссал серой мочой. Затем несколько раз плеснул себе в морду холодной воды. Утерся полотенцем. Ну и рожа...Уверен, при рождении я выглядел гораздо лучше. И чувствовал себя тоже.

Оставалось еще 10 минут. Я допил остатки спирта. Закурил сигарету. Накинул куртку, натянул старые берцы и пошел на работу – рыть могилу.